

Виталина
Трофимова

КНИГА ЖАЛОБ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Виталина Трофимова

Книга жалоб и предложений

«Автор»

2026

Трофимова В. В.

Книга жалоб и предложений / В. В. Трофимова — «Автор», 2026

Перед вами не обычная книга жалоб. Здесь не жалуются - здесь живут. Иногда горько, иногда смешно, часто - до утра. Если у вас есть претензии к жизни - пишите сюда. Если есть предложения - тем более. А если просто хотите почитать истории про шкаф, который падал 20 минут, кота с мыльной кисточкой на хвосте и курицу в пакете - открывайте первую страницу.

© Трофимова В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пруд	5
Клад	6
Лестница	7
Санаторий	8
Белая квартира	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Виталина Трофимова

Книга жалоб и предложений

Пруд

Я помню, как папа учил меня плавать. Это были выходные, отличный солнечный день. Мы с семьей возвращались на машине из загородной поездки. Она пахла бензином и раскалёнными сиденьями. Я рассматривала в окно поля и редкие рощи. День был такой яркий, что даже тени казались жёлтыми.

Я почувствовала, как машина накренилась, съезжая с асфальта на гравий, потом на траву. Кусты черёмухи хлестнули по боковым стёклам — и мы оказались в тени раскидистой берёзы у пруда в небольшом лесочке.

Пруд зелёный, густой и тягучий. Ряска плавает тёмными островами, кувшинки лежат плоскими блюдами, на берегу — чёрный, маслянистый ил.

Ну конечно! Вот именно сейчас и нужно научить меня плавать, ведь мне уже 3 года. Целых три!

День жаркий, в лесной тени очень хорошо. Отлично, идем купаться! Папа берет меня на руки и приближается к земляному берегу. Ил разъезжается у него под голыми ступнями. Я пытаюсь рассмотреть воду, но она затянута ряской и кувшинками.

Страх начинается где-то в животе и поднимается к горлу при виде приближающейся воды: тёмная, неподвижная, с белыми прожилками кувшинок. На них сидят лягушки. Я до сих пор слышу их кваканье.

С каждым шагом отца я залезаю все выше. Сначала на плечи, потом на голову, потом — я уже практически у него на макушке, как попугай у капитана, но лягушки всё равно смотрят на меня, и их слишком много.

Я боюсь зелёную неизвестность, где плавают скользкие водоросли, которые могут коснуться ноги, когда ты этого совсем не ждёшь. Я не хочу, чтобы вся эта тина и мох прикоснулись ко мне.

В тот момент я понимаю: папа не остановится. Он дойдёт до середины пруда, опустит меня в воду, и я начну тонуть в этой зелёной, холодной, лягушачьей каше.

Я уже практически у него на голове... Лезть больше некуда. Я кричу ему в ухо громко, пронзительно, оглушающе. Так, что лягушки упали с кувшинок, а птицы в берёзах перестали петь. В крике звучит сирена, гудок паровоза и все, что может остановить человека.

Папа, ты был не прав. Я уехала, не замочив и пальчика на ноге.

Клад

Перед Радуницей такой рассказ сочинился. Мне пять лет. Я неделями живу у бабушки с дедушкой и прабабушкой, потому что у мамы карьера, а у папы - мама. Тот период, когда я думаю, что все женщины старше 50 лет - мои бабушки, потому что я худа как жердь, и все пытаются меня накормить. Соседка тётя Люда, пожилые пассажиры в автобусе, даже таинственная старушка с палочкой, которая сидела на лавочке и, казалось, только и ждала, чтобы сунуть мне пирожок или яблоко. Боже мой, думала я, откуда у меня столько бабушек...

Домой меня забирают на выходные, папа читает мне на ночь Буратино. Вот бы и у меня был такой ключик, — мечтала я. — Или хотя бы клад.

Папа сам кладет на кухне и в туалете плитку, занимается остеклением лоджии. Я ему помогаю, потому что больше некому. В кухне на плитке появляется очень красивая роспись из яичного желтка на голубом фоне — вот не надо отвлекаться от ребенка, а то он станет дизайнером, когда вырастет.

Я помогаю как могу. Подаю инструменты, отвлекаю папу разговорами о смысле жизни. На лоджии я держу для него гвозди, потому что мне нужно готовиться к будущим взрослым ремонтам. Папа машет молотком изо всех сил, иногда попадает. По гвоздику.

В понедельник меня отвозят к бабушкам с забинтованным пальцем.

— Это он тебя молотком? — ахает бабушка.

— Нет, это я сама, — гордо вру я, чувствуя себя партизанкой.

И тут же получаю дополнительную порцию ватрушек — «чтобы раны быстрее заживали».

Вот у бабушки клад был точно. Золотые украшения, которые она хранила в шкатулке. Кольца, серёжки, броши — всё это сверкало и переливалось. И тут меня осенило. А что, если посадить их в землю? Как в сказке! Посадишь золотое кольцо — вырастет золотое дерево с рубиновыми яблоками.

В знак протеста, сучая по папе и вспоминая Буратино, я сажаю все бабушкины золотые украшения в деревянные ящики с рассадой.

— Бабуль, а где твои колечки? — невинным голосом спрашиваю я, закапывая драгоценности в сырую черную землю, липкую как мягкий пластилин.

— В шкатулке, деточка, — отвечала бабушка, не подозревая о моём гениальном плане.

На что я надеялась? Что на кустах с помидорами вырастут рубиновые кольца? А вместо жёлтых болгарских перцев - янтарные броши? Что бы я ни ожидала, в доме произошел конфликт.

Бабушка хватилась украшений. Когда она обнаружила пропажу своих драгоценностей, в квартире началась настоящая золотая лихорадка. Все подозрения пали на моего любимого дедушку.

Поднялся крик. Деда допрашивали с пристрастием, прабабушка шипела, как рассерженная гусыня.

— Продал! — кричала она.

— Вынес из дома! — вторила бабушка.

— Обездолил! — раздавались стенания и причитания на весь дом.

Признаться было страшно.

Только к вечеру обнаружили пропажу. А меня в наказание накормили тюрей вместо ужина - простым хлебом, замоченным в воде. Та ещё пакость... И никакой морали.

Лестница

Лето. Мама загорает у озера с книжкой. Я маленькая, мне чтение кажется глупым занятием. Мне хочется купаться, но нельзя — в июне вода ещё холодная, не пускают. Не понятно, зачем тогда мы пришли.

Мне хочется прыгать. Но рядом люди, нужно вести себя прилично.

Хочется пойти по лесным дорожкам вдоль озера, но одной нельзя.

Сижу, караулю маму, отгоняю оводов прутиком. Прутик тонкий, гибкий, щекочет ладонь. Отгоняю, а они всё равно кружат, злые, назойливые.

К озеру ведёт широкая бетонная лестница. Ровная, гладкая, как в подъезде — только на берегу. Ступеньки нагрелись на солнце, припекают мои маленькие ножки, пока я шлёпаю по ним вверх-вниз, потому что ещё разрешено бегать, но недалеко. Верхние ступени — тёплые, почти горячие. Нижние, у самой воды, — холодные, серые, с мелкими трещинками. На них страшно наступать — вдруг соскользнёшь и упадёшь. Мама не разрешает далеко отходить, но я всё равно спускаюсь на три ступеньки. Четыре. Потом возвращаюсь.

Это воспоминание осталось ярким до сих пор. Я ждала того похода на озеро, рассчитывая получить свою долю детской радости. Но радость не случилась. Было скучно, долго и почему-то стыдно за то, что хочется большего.

Недавно я вернулась на это озеро со своей семьёй.

Мы приехали в лес рядом с санаторием из моего детства. Долго плутали по заброшенным дорожкам, поросшим мягкой, шелковистой травой. Как в калейдоскопе, открывался нам весенний лес разными пейзажами за каждым поворотом тропинки. Местами страшно, иногда топко — она вилась между деревьями, уводя от озера, затягивая в чащу, путая следы.

Лохматые ели скрипели и ухали, берёзки звенели серёжками, кукушка в своей песне считала прошедшие года, ведя обратный отсчёт. И вот круг замкнулся.

Мы обошли почти весь лес, прежде чем вернулись к покосившейся лавочке в начале и увидели древнее объявление на дереве с просьбой не мусорить. Текст выцвел, буквы стёрлись.

А потом мы нашли спуск к озеру, который пропустили в первый раз. Ту самую лестницу.

За сорок лет она разрушилась. Бетонные ступени раскололись, края обсыпались. Мох пробивался сквозь трещины, словно зелёные пальцы времени, сжимающие прошлое. Большая часть ступенек скрыта под опавшей за много лет листвой — мягкой, влажной, шуршащей.

Мы с Алисой сбежали вниз, не боясь ни мха, ни разрушенных ступеней. Смеялись. И было хорошо.

Мы не заблудились. Мы просто искали дорогу. И нашли.

Вся жизнь — как этот лес. Ты идёшь, не зная, куда приведёт тропинка. Оборачиваешься — а за спиной уже не та дорога, по которой пришёл. Время стирает ступени, засыпает их листвой, прячет под мхом. И только когда возвращаешься, спустя годы, понимаешь: ты не терял себя. Ты просто кружил. Искал. Сворачивал не туда, возвращался, начинал заново.

Сейчас я стою на верхней ступени, почти разрушенной, и смотрю на озеро, которое помнит меня маленькой — скучающей, нетерпеливой, отгоняющей оводов прутиком. А рядом моя дочь. Она не ждёт разрешения быть счастливой. Она уже счастлива. И я счастлива тем, что она есть.

Алиса не будет помнить эту лестницу так, как я. Для неё это просто ещё одно место. Но в том и тайна — мы не можем передать другому свои воспоминания. Можем только создать новые. Вместе.

Потому что теперь — можно.

Санаторий

Восьмое марта выдалось снежным. Не тем последним, больным снегом, который сходит за неделю, а настоящим, пушистым, таким, каким он лежал здесь тридцать лет назад, когда я бегала по тропинкам санатория зимой в валенках, а летом - в сандалиях поверх шерстяных носков.

Я стала инициатором. Сама не знаю, как это вышло. В чате обсудили бронь, меню, расчёты и бесконечные «а точно ли там не холодно?». Подруги с детьми, сложные женские судьбы, каждая со своим багажом — и я, с чемоданом надежды, что этот выезд всех вылечит.

Домики стояли в кругу высоких елей. Берёзы — старые, светящиеся, каждая будто помнила меня маленькой. Я смотрела на них и чувствовала, как время сворачивается в спираль: вот здесь я в пять лет, здесь в десять, а теперь веду за собой дочку и всё те же ели кивают мне верхушками.

Дети верещали, барахтались в снегу, лепили снеговиков с носами из огурцов. Взрослые тоже лепили, потому что когда рядом дети, возраст отменяется. Мы ходили в столовую с домашней едой по протоптанной тропинке, и каждый раз кто-нибудь падал в сугроб — специально, чтобы посмеяться.

Вечером запахло шашлыком. Мясо томилось на углях, глинтвейн грел кружки, дети наелись и устали, и мы выдохнули. Казалось, вот оно — счастье. Простое, дымное, с корочкой и специями.

А потом включили музыку.

И всё сломалось.

Одной хотелось танцев, как в молодости, другой — тихой грусти под лирику. Две женщины, две правды, два одиночества столкнулись за одним столом. Слова становились громче, обиднее, и через десять минут атмосфера трещала по швам. Я мирила, разводила, объясняла, успокаивала. Мир был восстановлен, но осадок — как сажа на снегу — остался.

Мясо доели молча. Глинтвейн допили без тостов. Вечер угас.

Мы с Алисой остались одни. Брели по рыхлому снегу, обнявшись, и я рассказывала ей про своё детство. Про то, как я лечилась в этом корпусе, как мы с подружкой тайком бегали в тот вон лесок за земляникой и играли в прятки. Дочка слушала, открыв рот, и вдруг сказала:

— Мам, а давай залезем вон туда?

Заброшенный корпус стоял с пустыми глазницами окон. Мы пролезли через пролом в заборе и оказались внутри. Время здесь остановилось и работало странно: штукатурка осыпалась, но на подоконниках ещё стояли цветочные горшки с засохшими стеблями. Койки с панцирными сетками, графин с отбитым носиком. Алиса крепко сжала мою руку.

Позвонил Саша. Сказал, что выезжает за нами. Мы пошли к дороге, и я вдруг поймала себя на мысли, что внутри тихо и мирно. Просто весна, снег, дочка за руку и берёзы, которые помнят.

Машина ждала у входа. Саша открыл дверь, и я ахнула: сиденья были в новых чехлах, аккуратных, поскрипывающих, идеально натянутых. Тех самых, что я подарила ему на 23 февраля и сама же организовала сервис для замены. Он молчал, но по губам скользила улыбка.

Дома ждал сюрприз. Торт, букет роз, очередные духи (он всегда дарит духи, и я всегда радуюсь, потому что это его способ сказать «я помню, что ты женщина»), мандарины и новые игрушки для Алисы. А Антон, наш великовозрастный генеральный директор, протянул два фотоальбома. Сделал сам: распечатал фотографии, подобрал бумагу, написал трогательные надписи. Про нашу семью, про меня, про Алису, про то, как мы росли и менялись.

Я листала и чувствовала, как подступает ком. Не горький, а тёплый, какой-то очень правильный. Вчера была ссора, сегодня — подарки. Жизнь идёт своим чередом. И неплохо идёт. Скучно, мило, с берёзами, которые помнят всё, но молчат.

Я обняла Антона, поцеловала Сашу, прижала к себе Алису и подумала: завтра снова будет работа, снова заботы, снова бег. Но сегодня — есть вот это. И этого достаточно.

Белая квартира

Дом, в котором я выросла, был скорее его ожиданием, а не домом. Я помню тот запах — смесь старости и табака. Мы переехали туда в год, когда я стала первоклассницей. Мне было шесть, этот переезд стал для меня концом света, который, как я теперь понимаю, действительно наступил.

В той квартире, что осталась в моей памяти раем, было окно на солнечную сторону. Я помню, как лежала на полу на ковре с ворсом, выцветшим из зелёного до золотистого, и смотрела, как пылинки танцуют в столбе света. Там пахло новизной и чистотой. Там я была маленькой, и мир был огромным и добрым.

Новая квартира была белой. Окна выходили в большой тенистый двор, в длинных коридорах часто было сумрачно, даже в полдень. Солнце туда заглядывало редко, как незваный, но вежливый гость, и тут же уходило. Я стояла посреди пустой комнаты, пахнувшей известью, и чувствовала, как влажная, теплая тоска капает из глаз — утекает мое детство.

Так и вышло. В злой белой квартире я прожила пятнадцать лет. Годы пришлись на девятые. Голодные, неровные годы: хлеб с маргарином, пачка кофе которую мы делили на троих, потому что на ней было написано три в одном. Каждый день один и тот же суп из половины банки тушенки, пирожки с мясом по праздникам. Запах капусты, одеколона и постоянной тревоги.

Я училась определять настроение взрослых по звукам маминой посуды и отцовых шагов. Я прогнозировала день по долгим паузам в их разговоре. Я выросла там, и это была настоящая закалка. Я училась выживать, а не жить, молчать, терпеть, когда хотелось кричать, и возвращаться, когда хотелось бежать.

И все же, странное дело... Прошли годы, я выросла, уехала, сменила города, квартиры, страны. У меня теперь есть свой дом - уютный, желанный, долгожданный. Я люблю его. Но каждое утро, просыпаясь, я открываю глаза и чувствую, что я — там, в той белой квартире. Я слышу, как за стеной шумит вода в старых трубах, скрипят половицы в коридоре, мама на кухне гремит чашками. Я чувствую запах папиного табака.

И мне не страшно. Мне... спокойно. Потому что это и есть мое «домой». Не то место, где я счастлива, а то место, где я стала собой, где научилась быть сильной, пережила самое трудное и выжила.

Когда я еду из аэропорта после долгой поездки, я думаю о том, как сейчас открою дверь подъезда, поднимусь на третий этаж, и меня встретят пирогами и вареной картошкой. Но потом вздрагиваю и вспоминаю: нет, я уже не там. Я живу здесь. У меня другой дом.

Бывает ли у вас такое? Это чувство, когда твой настоящий дом — не там, где ты живешь, а там, где ты был выкован. Где тебя сломали и собрали заново, по-другому. Там твоё детство закончилось, но начался ты.

Я часто думаю о той девочке, которая плакала на голом полу. Я хочу сказать ей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.